

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ВСЕМ СУЩИМ ПОКОЛЕНИЯМ РОВЕСНИК

Расул Гамзатов верен себе. В начале сентября отправил он телеграммы по давно знакомым адресам. Текст краткий: «Дорогой друг, мне хотелось бы познакомить Вас с Дагестаном по случаю небольшого грустного события в моей жизни»...

Когда-то Расул Гамзатов написал, что он «всем сущим поколениям ровесник». И добавил:

...коль человек — поэт,
то у него
Меж датами рождения
и смерти
Нет, кроме молодости,
ничего.

Он давно седоголов, но как-то даже не верится, что ему шестьдесят. И в Махачкалу приехали друзья, чтобы поздравить поэта с днем рождения. Пришли письма и телеграммы из разных городов и стран. А сколько еще подоспеет добрых пожеланий и слов благодарения, когда о «грустном событии» узнают читатели! Его давние строки — «все больше в беспокойном мире моей ставовится родни» — утверждены самой жизнью, поэтическим творчеством, снискавшим широчайшую известность и преданную любовь миллионов.

Помню, как в Москве, в Центральном доме литераторов, отмечали девятидесятилетие его отца — крестьянина, мудреца и народного поэта Дагестана Гамзата Цада. Был еще жив Александр Трифонович Твардовский. И он сказал тогда знаменательные слова. Сама история однажды выдвигает поэта, который говорит слово от имени своего народа и открывает его душу перед соседями и друзьями по всей стране. Это закономерность, таким стал для аварцев Гамзат Цада. Но редкий выбор судьбы в том, что сын его, Расул Гамзатов, сумел сказать слово от имени огромной страны, и высокие звезды его поэзии засветились ярко в подлунном мире.

Два сына старого Гамзата сложили головы на войне. Ахиллы скрыли черноморские волны под Севастополем, Магомеда был смертельно ранен под Сталинградом. Отец еще надеялся заставить сына живым и вместе с Расулом отправился в балашовский госпиталь. Это было первое дальней путешествие Расула Гамзатова. Кончилось оно печально — отец посадил березку над свежей могилкой Магомеда и произнес скупые слова о том, как далеко раздвинулись границы цадинского кладбища. Не там ли, у берегов Волги, истоки рождения гамзатовского реквиема, что спустя много лет в далекой Хиросиме при встрече с журавлями, прилетевшими из Сибири, отозвались в душе поэта:

Мне кажется порою,
что солдаты,
С кровавых не пришедшие
полей,
Не в землю нашу полегли
когда-то,

А превратились в белых журавлей.

Мать поэта Хандулай снимала башмаки, чтобы не нарушать покой в горской сакле, когда отец садился за работу. Отличавшегося веселым и непоседливым нравом Расула отец привязывал к стулу сыромятным ремнем, заставляя сызмальства оценить тяжелый труд стихотворца. Старый Гамзат был удивлен и обрадован тем, что третий его сын сочинил первое свое стихотворение, когда, лежа на бычьей шкуре на крыше горской сакли, увидел в небе над аулом Цада первый самолет...

То был радостный праздник: вся Авария встречала легендарного летчика из чкаловской тройки — Байдукова. Мог ли подумать тогда горский мальчишка, что он сам, став народным поэтом, народным депутатом, облетит весь мир, а томик его стихов возьмет в путешествие по просторам Вселенной Виталий Севастьянов?

Звезды детства родного, песни матери, сказки отца, легенды и сказания древнего Кавказа всегда звучат в душе поэта, рождая строки удивления и чуда, любви и надежды, боли и сострадания. Там, в горах Дагестана, проросли в душе поэта добрые всходы, отозвавшиеся пронзительными стихами, обращенными к отцу, и там же родился страстный призыв «Берегите матерей!», взлетевший над всей страной не только со страниц его книг, но и с трибуны комсомольского съезда...

Первыми ценителями стихов Расула Гамзатова оказались по воле случая Николай Тихонов, Петр Павленко и Владимир Луговской. Они приехали в Аварию по поручению Максима Горького, откликнувшегося на просьбу Гамзата Цада «прислать в горы хороших писателей». Одну из первых поэм Расула Гамзатова о краснодонцах перевел на русский язык Илья Сельвинский. Ректор Литературного института в Москве Федор Гладков, обладая да-

ром провидца, зачислил юного горского поэта в число студентов, несмотря на пестроту от красного карандаша на страницах его диктанта. Одно из первых предисловий предпослал гамзатовским строкам Самуил Маршак, назвав его «идущим навстречу». Большое участие в судьбе поэта приняли в разное время Александр Фадеев и Корней Чуковский, Александр Твардовский и Константин Симонов.

Переведенные на русский язык Яковом Козловским, Науом Гребневым, Еленой Николаевской, Владимиром Солоухиным, Юлией Нейман, Яковом Хелемским, Юнью Морич поэзия и проза кавказца родом из аула Цада вышла к миллионным читателям в нашей стране и за ее рубежами. Дерево поэзии Пушкина, привитое отцом поэта на аварской земле, стало дорогим талисманом для его сына. Расул Гамзатов и сам перевел на родной язык «Полтаву» и «Медный всадник», стихи Лермонтова и Блока. «И теперь, — не раз говорил он, приезжая в Москву, — я привожу в столицу три поэтических венка: первый — к Мавзолею Ленина, второй — Неизвестному и всем известному солдату, уничтожившему зло нашего века — фашизм, третий — великому Пушкину».

В сорок лет Расулу Гамзатову была присуждена Ленинская премия, сразу же за порогом пятидесятилетия стихотворец был отмечен Золотой звездой Героя Социалистического Труда. Более двух десятилетий народ избирает его в высший орган государственной власти, и ему оказывается высокое доверие быть членом Президиума Верховного Совета СССР. Предом великой страны Расул Гамзатов был в Мозамбике, где вручал международную Ленинскую премию президенту Самора Машелу; встречался в Филадельфии с Кастро и Индрой Ганди; дружил с Пабло Нерудой и Назымом Хикметом...

Сын маленького народа, сошедший в долину поэзии с гор-

ных вершин Кавказа, был поднят заботливыми руками Советской власти, великой силой дружбы народов за яркий талант, созвучный времени, за гражданственность и лиричность сердца, откликающегося на тревоги и боли мира. «Двадцатый век. Нельзя жить иначе» — это кредо Расула Гамзатова, коммуниста, нашего современника, поэта и гражданина.

Однажды на школьном уроке учитель попросил юного Расула показать на карте Белоруссию. Расул взял указку и обвел ею полстраны, захватив Урал и Енисей. За незнание ему была уготована двойка. Но спустя многие годы, стоя с непокрытой головой у стен Брестской цитадели, поэт написал:

На критику я отвечаю
редко,
Обиду в сердце долго
не ношу,
Но, мой учитель, давнюю
отметку
Исправьте... Я почтительно
прошу.
Я оказался прав.
Поверьте чуду...

Да, это чудо — и Белоруссия в самом деле бескрайняя: повсюду ныне славятся ее отавки, мастерство и честь; ее грузовики гудят в Сибири, ее поэтов любят Дагестан...

Силу великой дружбы и братства поэт воспел в стихах о Грузии и Армении, Азербайджане и Болгарии; она, эта сила, в его неразрывной, искренней связи с замечательными мастерами слова, представляющими и наш великий Союз, и «планету — прекрасную мулатку». В его стихах и многоликие рассветы, и краски тревожного мира. Горцу, рожденному в Дагестане, поэты подарили целый мир, которого были лишены веками его храбрые предки. Ощущение величавого простора, твердая уверенность, что за ним всегда стоят миллионы мужественных мужчин и прекрасных женщин, сограждан и земляков, дают силу его искрометному и мудрому таланту.

Есть и еще одна особенность у стихов Расула Гамзатова. Всегда и всюду звучат в душе поэта любимых женщин имена, а он все еще числит себя в долгу у прекрасной половины рода человеческого. Лирические стихи, поэмы «Горника», «Берегите матерей», «Остров женщины» — это гимн любви.

А новаторская проза удивительной по славу мудрости, афористичности и лукавому озорству книги «Мой Дагестан»? Старик Абуталиб, старый друг его отца и друг самого Расула, пастух, саманщик, лудильщик, журналист, красный партизан и народный поэт Дагестана, стал любимым и добрым спутником миллионов читателей. Благодаря переводчикам он встретился с Тартаре-

ном из Тараскона во Франции, а под каталонскими звездами с Дон Кихотом и продолжает свое доброе шествие по весям и странам. А надписи, что замечены были острым и лукавым глазом поэта на колыбелях и винных рогах, на скальных угесах и кинжалах? А бьющие не в бровь, а в глаза сатирические строки и эпиграммы?

Недавно закончено издание пятитомного собрания произведений Расула Гамзатова. А он продолжает трудиться так же неистово, как и в молодые годы, — рождаются страницы новой книги «Суд идет», пишутся главы «Моего Дагестана», собирается книга о России, задуман «Календарь гор»... И он по-прежнему в центре дел и событий своего Дагестана, своей страны, своего времени.

Несколько дней назад позвонил ему в Дагестан — нет Гамзатова на месте. Улетел в далекий Нукус, там, в Каракалпакии, декада литературы и искусства его родной республики. Через несколько дней звонит Гамзатов — прилетел в Москву на заседание Президиума Верховного Совета СССР. И так всегда. Этим летом он летал в Литву и Чехословакию, ездил в Ясную Поляну, побывал у Есенина в Константиново и, конечно, в родном Хунзахе, в ауле детства Цада. Сколько поэтических вечеров, встреч было у него только в последние месяцы!

А годы мелькают — один за другим. «В моей семье четыре крестика и только один поэт», — когда-то шуточно сказал он о жене Патимат и дочерях — Зареме, Патимат и Салихат. За последние годы число «критиков» в семье прибавилось — в канун юбилея появилась на свет третья внучка. «Теперь у меня остров женщин», — смеясь, говорил он, принимая поздравления.

Сегодня в Махачкале друзья, собравшиеся на торжество, скажут похвальное слово народному поэту, пожелают ему здоровья и новых вершин в творчестве. На этом празднике советской многонациональной литературы будут не только ее полпреды, там незримо будут присутствовать миллионы читателей.

Я не знаю, что он скажет в день своего юбилея. У него всегда свое слово, слово Расула Гамзатова.

Читателям «Советской культуры» поэт только что передал новый пикл горских сонетов, переведенных с аварского Яковом Козловским. Прочитайте их и вспомните давно написанные Расулом Гамзатовым строки:

Я буду юн, пока слагаю
песни,
Забыв про возраст раз
и навсегда.
Дмитрий МАМЛЕЕВ.

Расул ГАМЗАТОВ

ГОРСКИЕ СОНЕТЫ

Я в космосе далеко
попывал,
Лета во мгле меж звездных
караванов:
Мои стихи взял в космос
Севастьянов,
Таж высоко еще
я не взлетал.
О Родина, признанием
в любви
Был мой полет, в твою
вошедший славу!
И видел я, что женщины
твои
Соперницами звезд слывут
по праву.
Обнять весь мир смогла
душа моя
С аулом отчим на челе
вершины.
Гарси Лорки видел землю я
И вспоминал о детях
Палестины.
И радовался в черной
вышине,
Что Патимат вздыхает
обо мне.

Над крышами плывет
кизячный дым,
А уллцы восходят
на вершины.
Аул Цада — аварские Афины,
Теперь нечасто видимся
мы с ним.
Но стоит прилететь
гостям ко мне,
Везу в Цада их,
ибо нет сокровищ
Дороже для меня
среди становищ
И звезд в одноплеменной
вышине.
И в том могу покланяться,
что когда

Ко мне б явились
инопланетяне,
То с ними прилетел бы я
в Цада
И объявил на Верхней
им поляне,
Что не отдам, хоть мне
они милы,
За целый Марс здесь
ни одной скалы.

Полно красот в отеческих
горах.
МАХМУД.
Седло-гора на грани
поднебесной
Когда-то, молвят,
лошадью была,
Которую лихой ездок
неместный
Вдруг осадил и бросил
удила.
И в поисках любви
он в ту же пору
Исчез в Голотле, Чохе
иль Цада.
И вскоре лошадь
превратилась в гору,
Привязанная к небу
навсегда.
А всадник тот, как слышал я
от старцев,
Живет в горах поныне,
где пленен
Тысячелетним мужеством
аварцев
И красотой преданных
им жен.
— Поверь, он знал,
твердили старцы эти,
Где спешиться ему
на белом свете.

Как будто гору лань,
где пуля просвистела,
Мочь прежняя моя
спешит покинуть тело.

О Муза, грешен я, что
суетно и праздно
Порой, хоть ты звала,
летел на зов соблазна.
Раздумья мои кровоточат,
как раны,
Былых ошибок всех
стянулись арканы.
И сам себя в слезах
корю по той причине,
Что многое сказать
я не сумел поныне,
И горько, что не все
поведанное мною
Оставит в душах след
под вечною луною.
Но в подберье скал
тропою козьей снова,
Как в поводу коня,
веду к вершине слово.
И времени слуга, во что бы
то ни стало
Вновь высеку огонь, как
из кремня кресало.

Был мудрецом, кто изобрел
часы,
И люди многоопытные
знают,
Лишь мальчишки часов
не наблюдают,
Пока у них не вырастут усы.
Но как же мог я —
взорный человек
В хмельной гульбе
транжирить дни и ночи,
Того не наблюдая,
что короче
Врагам на радость делался
мой век!
И вознеслась гора
моих грехов:
Я — времени убитого
виновника,

И собственных надежд
безумный кровник,
И света не увидевших
стихов.
Раскаясь в том, я пожелаю
могу
Всю жизнь часов
не наблюдать врагу.

От слепоты искал я
исцеленья,
И был совет мне вещим
небом дан:
«Три слова ты охранного
значенья
Произнеси, где третья —
«Дагестан».
Три слова произнес я
в вышине,
И возвратилось зрение
ко мне.
Ударил гром, и я оглох
от грома,
Не слышу птиц, не слышу
аулчан,
Но было заклинанье
мне знакомо,
Его венчало слово
«Дагестан».
Благодарю за то, что слышу
снова
Я небеса, чьим светом
осиял.
Ах, талисман мой —
три заветных слова,
Два первых — тайна,
третье — «Дагестан».

У Шамиля мюрид
искусный был
Из Унцукюля родом.
Мастерил
Курительные трубки
и уменьем
Всех мастеров Востока
он затмил.

Но повелел имам
всевластный так:
«Рубить башку курящему
табак!»
И привели несчастного
мюрюда
К нему на суд. И смерти
ждал бедняк.
«Все ведомо нам о твоей
вине,
Сказал Шамиль, — подай-ка
трубку мне».
И молча стал разглядывать
изделие,
Потом наиба кликнул
в тишине:
— Вели, чтоб принесли мне
табаку,
Нечасто чудо видишь
на веку.

Дарована эпоха мне была,
Чьи подвиги, чьи имена
и слава
Не зря на вечность
предъявляли право,
Ударив о себе в колокола.
И за листком листок,
готовясь к чуду,
С календаря надежды
я срывал,
Но, как Марьям прекрасная
Махмуду,
Мне не досталось то,
о чем мечтал.
И сердце, что привыкло
к непокою,
Печально прикрываю
я рукою.
Но в нем не зря горит огонь
призвания,
Чтоб мог я видеть даже
сквозь метель,
Как Родина в порыве
упованья
Грядущего качает колыбель.